

**ОБРАЗ МСТИТЕЛЯ В РОМАНЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ВАДИМ»
И Э. БРОНТЕ «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ»**

Романтизм изучается давно и плодотворно, однако остаётся не изученным значительный пласт текстов, отдельных сторон миропонимания романтиков, сторон романтической культуры. Так, известная исследовательница теории романтизма и романтической литературы Е. Г. Милютина пишет, что «на фоне кажущейся насыщенности исследовательского пространства особенно заметной становится неразработанность таких существенных граней культуры романтизма, как психология романтического творчества, художественная гносеология романтиков и мн. др.» [9, с. 110]. В качестве центральной проблемы, решением которой необходимо заняться учёным, эта исследовательница называет своеобразие миропонимания человека романтической эпохи, его сознания, определяющего его бытие, смысл жизни, самореализацию и судьбу. Именно с особенностями миропонимания романтиков, проникнутого «идеей целостности мира и вместе с тем осознанием его противоречивости», А. А. Слюсарь связал характер системы персонажей в их произведениях. «Поскольку романтическое произведение строится на антитезе, то характеристика героя отличается подчеркнутой определенностью. При этом особое значение имеет его отношение к действительности, которое конкретизируется в сравнительно устойчивых ситуациях, являющихся по своей сути мотивами», - писал ученый [12, с. 138]. Одним из ведущих мотивов, по мнению А. А. Слюсаря, был мотив мести. В тех случаях, подчеркивал он, когда инициатива в противостоянии с миром принадлежит герою, он выступает в «качестве скитальца, беглеца, мстителя, мятежника».

В центре нашего внимания - мотив мести и образ мстителя в двух романтических романах, «Вадиме» Лермонтова и «Грозовой перевале» Бронте. Сопоставительный анализ этих произведений до сих пор не предпринимался литературоведами, однако нам они представляются во многом сходными.

В центре обоих романов таинственно - демонический мститель, который выступает против своих личных врагов и общества в целом. Как в романе Э. Бронте «Грозовой перевал», так и в романе М. Ю. Лермонтова «Вадим» мотивы мести выдвинуты на передний план. Мечь является основой ключевых сюжетных ситуаций. Именно мечь определяет сущность отношений Вадима к Борису Петровичу Палицыну и Юрию Палицыну, Хитклифа к Хиндли Эрншо и Эдгару Линтону; она становится существенной частью чувств Ольги и Кэти Линтон. И у Бронте, и у Лермонтова выброс энергии мщения происходит вследствие оскорбления и унижения личности. Так, Борис Петрович мстит своему другу из-за ущемлённого чувства собственного достоинства (во время охоты собака друга пришла первой, и тот осмеял Палицына); сам Палицын становится объектом мести для Вадима из-за унижения и оскорбления его отца, утраты положения в обществе, издёвок над

уродством и т.д. Такая же картина наблюдается в «Грозовом перевале», Хитклиф жестоко мстит семействам Эрншо и Линтонам, а также своему основному врагу - Хиндли именно из-за поруганного чувства собственного достоинства. Однако в разработке основного мотива мщения между двумя романами есть существенная разница. В «Вадиме» Лермонтова сама история мести занимает центральное положение, а обстоятельства, которые предшествовали мщению и являются его причиной, вынесены за пределы романа. В «Грозовом перевале», напротив, подробно представлены события, которые толкают Хитклифа на путь мести.

Не менее важным является то, что в романах обоих писателей «акцентировка действенных грозных сил мести выступает...не только в характере сюжета, но и в разработке образа самого центрального героя» [10, с. 101]. Образ Вадима на протяжении всего развития действия статичен, проникнут ненавистью с первых и до последних страниц, не подвержен «никаким переходам от положительного мироотношения к отрицающему, от спокойствия к мятежности, от человеческого к дьявольскому. Он сразу дан как нечто всюду равное себе, с его ненавистью, злобой, мстостью» [10, с. 102]. Образ Хитклифа динамичен, показан в развитии: с момента его появления в пределах Грозового перевала до его смерти там. Это помогает понять истоки поведения Хитклифа, находящееся в прошлом, «в тех условиях, которые определили его характер» [11, с. 212]. В детстве он сталкивается с унижениями и оскорблениями: Хиндли - сын мистера Эрншо издевается над ним, миссис Эрншо не замечает «чужака», даже служанка Нелли Дин поначалу с отвращением относится к «цыганскому отродью» [1, с. 541]. Стремление отомстить объединяет Вадима с восставшими крестьянами, желание мщения Хитклифа никем не разделяется.

Портретные характеристики Вадима и Хитклифа являются характерными для романтической манеры письма. Для обрисовки образа Вадима Лермонтов использует «отвлечённые сравнения и эпитеты» [5, с. 256]: «...широкий лоб его был жёлт, как лоб учёного, мрачен как облако, покрывающее солнце в день бури; ... в глазах блистала будущность» [2, с. 4]. Вот каким представлен герой - мститель у Бронте: «он умудрялся производить на всех отталкивающее впечатление и своей внешностью, и внутренней сутью...неблагородный, исподлобья взгляд; его прирождённая замкнутость перешла в чрезмерную, почти маниакальную нелюдимость; и ему, как видно доставляло мрачное удовольствие внушать немногим своим знакомым неприязнь - уважения он не искал» [1, с. 569-570]. В облике и характере обоих героев присутствует нечто дьявольское. Так, демонизм Вадима не раз подчёркивается на страницах романа: «чело Вадима омрачилось, и горькая язвительная улыбка придала чертам его, слабо озаренным догорающей свечой, что-то демонское» [2, с. 8]; «.. его товарищи уважали в нём какой - то величайший порок, а не безграничное несчастье - демона, а не человека» [2, с. 4]; смотря на изображение дьявола, Вадим ставит себя на его место: «если б я был чёрт, то не мучил бы людей, а презирал бы их; стоят ли они, чтоб их соблазнял изгнанник из рая, соперник бога!..» [2, с. 4]. Подобные чувства и ассоциации вызывает и образ Хитклифа, не раз на страницах романа многими персонажами отмечается

его дьявольская сущность. Показательно, что думает о Хитклифе Элен Дин. «“Уж не оборотень ли он, или вампир?” ...Мне случалось читать об этих мерзостных, бесовских воплощениях. Затем я стала раздумывать о том, как я его нянчила в детстве, как он мужал на моих глазах, как прошла я бок о бок с ним почти всю его жизнь; и как глупо поддаваться этому чувству ужаса! “Но откуда оно явилось, маленькое черное создание, которое добрый человек приютил на свою погибель?” - шептало суеверие, когда сознание ослабевало в дремоте» [1, с. 812]; о глазах Хитклифа говорится, как о паре «чёрных бесят.. .глубоко схоронившихся... они никогда не раскрывают смело окон, а только смотрят в них украдкой, точно шпионы дьявола» [1, с. 559]. То есть, герой - мститель - это не просто человек, а существо иной, нечеловеческой природы.

Вадим и Хитклиф - люди больших страстей, способные испытывать не только лютую ненависть, но и не знающую границ любовь. При этом страсти, которые они испытывают, могут приобретать противоестественный характер. Е. Н. Михайлова пишет по поводу переживаемых Вадимом чувств, что «его безудержная .. любовь к сестре готова перейти в кровосмесительную страсть, нарушая законы божеские и человеческие» [10, с. 106]. Сам герой, осознавая запретность того, что он чувствует, готов бросить вызов миру. «Если мне скажут, - думает он, - что нельзя любить сестру так пылко, вот мой ответ: любовь - везде любовь, то есть самозабвение, сумасшествие, назовите как вам угодно; - и человек, который ненавидит всё и любит единое существо в мире, кто бы оно ни было, мать, сестра или дочь, его любовь сильнее всех ваших произвольных страстей. Его любовь сама по себе в крови чужда всякого тщеславия... но если к ней примешается воображение, то горе несчастному! - по какой-то чудной противоположности, самое святое чувство ведет тогда к величайшим злодействам; это чувство наконец делается так велико, что сердце человека уместить в себе его не может и должно погибнуть, разорваться или одним ударом сокрушить кумир свой; но часто самолюбие берет перевес, и божество падает перед смертным» [2, с. 22]. Следует отметить, что некоторые исследователи творчества Э. Бронте определяли любовь Хитклифа и Кэтрин также как кровосмесительную. Свои выводы они основывали, прежде всего, на сильнейшей привязанности мистера Эрншо к Хитклифу (считая его внебрачным сыном старого Эрншо), а также на необычайном родстве душ Хитклифа и Кэтрин - дочери мистера Эрншо. Однако подобное мнение является ошибочным и не признаётся абсолютным большинством исследователей. В то же время и чувство Хитклифа к Кэтрин имеет разрушительный и в связи с этим противоестественный характер. В предисловии к роману своей сестры Шарлотта Бронте пишет о глубине чувств Хитклифа так: «...такая страсть могла неистово пожирать душу какого-нибудь злого духа, это пламя сродни тому, в котором томится осужденный на вечные муки владыка преисподней, и сама неугасимость и бесконечная ярость этого иссушающего огня есть воплощённый суд над Хитклифом, ибо он обречён носить адское пламя с собой, куда бы ни направлялся» [1, с. 5]. Разумеется, говоря о чувствах обоих героев, следует отметить безответность и безнадёжность любви Вадима, Ольга испытывает по отношению к нему лишь

безотчётный страх, а позднее даже ненависть, она откровенно говорит Вадиму: «я ненавижу... презираю тебя...» [2, с. 57]. Любовь Хитклифа полностью разделяет Кэтрин: «Любовь моя к Хитклифу похожа на извечные каменные пласты. Она - источник, не дающий явного наслаждения, однако же необходимый... Он всегда в моих мыслях: не как радость и не как некто, за кого я радуюсь больше, чем за самое себя, - а как всё моё существо» [1, с. 583-584]. Но, в выборе спутника жизни Кэтрин руководствуется исключительно доводами рассудка. Она понимает, что выйти замуж за Хитклифа означает «опуститься до него» [1, с. 579] - это, а также вмешательство таинственного, не даёт героям быть вместе.

Обоих героев-мстителей окружает ореол таинственности. Это соответствует поэтике романтического произведения, в котором все то, что касается центрального героя, подчеркивает его исключительность. Загадочное присутствует в описании судеб Вадима и Хитклифа. Так, о детстве и периоде взросления Вадима, которые он провёл в стенах монастыря, практически ничего не известно. Остаётся неясным также, почему Вадим в детстве теряет Ольгу и то, каким образом она попадает в дом Палицыных. Не упоминается о том, когда и как Вадим примыкает к пугачёвскому восстанию. Часть биографии Хитклифа сокрыта: годы, которые он проводит вне стен Грозового перевала. Он возвращается в Грозовую перевал, другим человеком «внешне джентльменом и внутренне мёртвым человеком из-за того, что ненависть выжгла в нём естественные чувства» [11, с. 212]. При таком раскрытии судеб героев многое остаётся неясным, «история внутренних стремлений вытесняет собой описание фактов; необъяснимые иррациональные препятствия... встают на пути... вся жизнь как бы переводится в метафизический план, и тайная сила неведомой судьбы пытается наложить на неё руку» [10, с. 110]. Неслучайны слова Вадима в разговоре с сестрой о том, что «бог создал нас несчастными» [2, с. 22], неслучайно чувствует он вмешательство в свои планы провидения. Пагубные поступки и необузданные страсти персонажей «Грозового перевала» также выглядят следствием не столько их осознанных решений, сколько проявления ополчившегося против них злого рока.

В значительной степени оба произведения сближают способы раскрытия образов центральных персонажей. И в «Вадиме» и в «Грозовом перевале» мысли и чувства героев - мстителей раскрываются «в одиноких размышлениях и монологах или в развёрнутом диалоге» [10, с. 118], в этом проявляется стремление авторов к психологизму. Их душевные излияния насыщены угрозами, страданиями, стремлениями, откликами на нанесённые им обиды и оскорбления. Субъективные переживания героев показаны, как нечто титаническое, не знающее границ, застилающее собою весь мир. Отсюда их «патетический способ выражения» [10, с. 118], в котором ведущая роль предоставляется гиперболе. Вот, пример обыденной для Вадима манеры выражения своих мыслей: «тебя пленил прекрасный юноша... и безобразный горбач остался один... один... как черная тучка, забытая на ясном небе, на которую ни люди, ни солнце не хотят и взглянуть... если б я знал, что на моем сердце написано, как я тебя люблю, то я вырвал бы его сию минуту из груди и бросил бы к тебе на колена...» [2, с. 58]. Эмоциональная напряжённость является

отличительной чертой психологического состояния героев. Возвышенность, метафоричность, экспрессивность и гиперболизация в той же мере характерны да речей Хитклифа: «Когда бедствия и унижения, и смерть - всё, что могут послать бог и дьявол, - ничто не в силах было разлучить нас, ты сделала это сама по доброй воле. Не я разбил твоё сердце - его разбила ты; и разбив его разбила и моё Тем хуже для меня, что я крепкий. Разве я могу жить? Какая это будет жизнь, когда; тебя... О боже! Хотела бы ты жить, когда твоя душа в могиле?» [1, с. 658] Определяющим для понимания образа Хитклифа является его монолог - рассуждение представленный изначально в форме диалога: Хитклиф говорит с Нелли Дин Важным для героя является понимание и решение своей внутренней проблемы а не донесение своих мыслей собеседнику: «Я раздобыл рычаги и мотыги, чтобы разрушить два дома, я упражнял свои способности, готовясь к Геркулесовому; труду! И когда всё готово и всё в моей власти, я убеждаюсь, что у меня пропал; охота сбросить обе крыши со стропил. Старые мои враги не смогли меня одолеть Теперь бы в пору выместить обиду на их детях. Это в моих силах, и никто не может помешать мне. Но что пользы в том? Мне не хочется наносить удар... По слушать меня, так выходит, что я хлопотал всё время только затем, чтобы в конце концов явить замечательное великодушие. Но это далеко не так: я просто утратил.) способность наслаждаться разрушением - а я слишком ленив, чтобы разрушать] впустую... близиться странная перемена: на мне уже лежит тень...» [1, с. 806]. И подобных речах происходит самораскрытие героя.

Характер персонажей в лермонтовском романе является статичным, он в большей степени соответствует романтической модели, которая заключается в том что «под давлением основной ведущей черты портрет человека превращается] воплощение той или иной страсти (или в женских портретах - идеи красоты и невинности). При этом романтические характеры, противопоставленные обыденным и пошлым, разделяются на две категории: демонические и небесные...» [10, с. 122 -123]. Так, согласно законам романтической поэтики построен образ Ольги. Она «сделана по закону лепки портрета - впечатления, но не реальной лица» [4, с. 124]. Ольга - воплощение лермонтовского идеала: «Это был ангел изгнанный из рая за то, что слишком сожалел о человечестве. - Сальная свеча горящая на столе, озаряла её невинный открытый лоб и одну щеку, на которой пристально вглядываясь, можно было бы различить мелкий золотой пушок остальная часть её лица была покрыта густой тенью; и только когда она поворачивала большие глаза свои, то иногда две искры света отделялись в темноте это лицо было одно из тех, какие мы видим во сне редко, а наяву почти никогда» [2, с. 6 -7]. При разработке образа Ольги Лермонтов пользуется принципом «углубленного психологизма» [4, с. 124], согласно которому внешнее описание раскрывает внутренний мир. В «Грозном перевале» Бронте, образы персонажей гораздо более сложны и неоднозначны. Так, образ главного героя - мстителя Хитклифа вызывает противоречивые чувства. Однако, что является самым важным на протяжении всей истории мы не перестаём ему сочувствовать. Как отмечает А. Кеттл «Мы, разумеется, не восхищаемся им и не оправдываем его, но в глубине

души принимаем его сторону, продолжая каким-то образом отождествлять себя с ним, настраиваясь вместе с ним против других персонажей» [6, с. 172]. Хитклиф совершает бесчеловечные поступки, но мы понимаем, чем это мотивированно и признаём «какую-то его горькую моральную справедливость по отношению к своим угнетателям» [6, с. 173]. Потому что Хитклиф сам в какой-то степени является жертвой обстоятельств и окружающих его людей. Это принципиально отличает образ Хитклифа от образов других мстителей. Существенно отличается от традиционных романтических героинь и Кэтрин Эрншо Линтон. Она надменна, тщеславна, заносчива и высокомерна (классические героини, как правило, наделённые исключительно добродетелями). Однако Кэтрин наделена и многими положительными качествами «...она никому не желала зла. Если ей случалось довести вас до слёз, она бывало, не отойдёт от вас и будет плакать сама пока не принудит, успокоиться» [1, с. 545]. Характеры второстепенных образов Бронте также изображает многогранно.

Любопытен тот факт, что Лермонтов и Бронте, наделив своего героя-мстителя именем, не дают ему фамилии. Так, Лермонтов называет своего героя одним именем Вадим, «заимствованным из арсенала декабристской поэзии» [3, с. 77]. У Бронте имя центрального персонажа - Хитклиф, что означает «утёс поросший вереском», также служит ему «и за имя и за фамилию» [1, с. 541]. Это объясняется тем, что Вадим и Хитклиф «воплощают в человеческих обликах демонское...начала» [3, с. 77]. Мир же реальных, обыкновенных людей составляют: Палицыны, Орленко, крестьяне - в «Вадиме», Эрншо, Линтоны - в «Ерозовом перевале».

На портретную характеристику, отдельные черты характера героев - мстителей Лермонтова и Бронте несомненно оказала воздействие предромантическая и романтическая литературная традиция. Критиками и литературоведами тщательно изучался вопрос о том, какие влияния имели определяющий характер. В качестве литературных образцов, на которые ориентировались Лермонтов и Бронте, называют произведения Е. Уолпола, А. Радклиф, Дж. Е. Байрона, И. В. Еёте, В. Еюго, П. Мериме, О. де Бальзака, Ф. Р. де Шатобриана и многих других.

Выводы. Рассмотрение образов центральных героев - мстителей, а также системы персонажей романов «Вадим» Лермонтова и «Ерозовой перевал» Э. Бронте позволило выявить основные сходства и различия, которые наблюдаются как в построении образов центральных героев, так и в системе персонажей, в особенностях художественного мира. В центре обоих произведений титаническая личность, находящаяся в абсолютном, демоническом разладе с миром. Вадим и Хитклиф во многом сродни типичным образам героев-мстителей широко представленных в литературной традиции. Их портретные характеристики полностью отвечают романтической манере письма. Так, в облике и характере обоих героев присутствует нечто дьявольское, авторы особо выделяют тот факт, что герой - мститель - это не просто человек, а существо другой, нечеловеческой природы. Инфернальная сущность Вадима и Хитклифа подчёркивается и тем, что Лермонтов и Бронте, наделяют своего героя-мстителя именем, однако не дают фамилии. В их судьбах много загадочного. Так, о детстве и юношестве Вадима,

которые он провёл в монастыре, практически ничего не известно. Часть биографии Хитклифа также сокрыта, а именно годы, которые он проводит вне стен Грозового перевала. Оба героя чувствуют вмешательство в свои планы сил злого рока. Личные переживания героев показаны, как что-то, не знающее границ, застилающее собой абсолютно весь мир. Постоянная эмоциональная напряжённость - отличительная черта психологического состояния Вадима и Хитклифа.

Несмотря на обилие сходных черт, образы центральных персонажей в романах изображены по-разному, так, образ Вадима статичен, Хитклифа - динамичен, показан в развитии, это позволяет нам глубже понять мотивы его поступков и зачастую сочувствовать ему. Стремление Вадима отомстить хоть отчасти объединяет его с восставшими крестьянами, одиночество же Хитклифа, его желания (в том числе и мщения) и устремления никем не разделяются. Оба героя - мстителя испытывают безграничную любовь, но, если у Вадима она безответна, то Хитклиф, любим, (хотя и не может быть вместе со своей возлюбленной).

Подводя итоги нашего исследования, отметим, что оба романа являются моноцентрическими: ядро сюжета составляет поведение героя-мстителя. Все остальные персонажи характеризуются по отношению к центральному герою. Их взаимоотношения представлены в следующей таблице:

«Вадим»	«Грозовой перевал»
Герой-мститель: Вадим	Хитклиф
Жертвы: Палицыны	Эрншо и Линтоны
Возлюбленная: Ольга	Кэтрин
Судьи: -	Нелли Дин, Локвуд
Среда, которая:	
а) помогает злодею: бунтовщики	-
б) пассивно примиряется: +	+
в) сопротивляется: солдатка, Феодосий	-

Литература

1. Бронте Э. Грозовой перевал / Ш. Бронте, Э. Бронте, А. Бронте // Малое собрание сочинений Бронте / пер. с англ. И. Гуровой, Н. Вольпин. - СПб.: Азбука-классика, 2010. - 989 с.
2. Лермонтов М. Ю. Вадим / М. Ю. Лермонтов // Собр. соч.: в 4 т. - Л.: Наука, 1981. - Т.4. - 332 с.
3. Андроников И. Л. Лермонтов: Исследования и находки / И. Л. Андроников - М.: Художественная литература, 1964. - 608 с.
4. Докусов А. М. Роман «Вадим» Лермонтова / А. М. Докусов // Учёные записки Ленинградского гос. ин-та. -- Т.43. - 1947. - С.33 - 100.
5. Ермакова М. Я. «Вадим» Лермонтова и некоторые вопросы русского исторического романа 30-х годов XIX века / М. Я. Ермакова // Ученые записки Горьковского гос. ин-та. - Т. XXIII. - 1958. - С.236- 260.

6. Кеттл А. Эмилия Бронте «Грозовой перевал»/ Арнольд Кеттл // Кеттл А. Введение в историю английского романа / пер. с англ. В. Воронина. - М.: Прогресс, 1966. - С. 160-179.
7. Корман Б. О. Творческий метод и субъектная организация произведения/ Б. О. Корман// Корман Б. О. Литературное произведение как целое и проблемы его анализа. - Кемерово, 1979. -С. 23-24.
8. Манн Ю. В. Русская литература XIX в. Эпоха романтизма /Ю.В. Манн. - М.: Аспект Пресс, 2001. -447 с.
9. Милютина Е. Г. О методологии анализа романтизма как феномена мировой художественной культуры (к проекту исследования) / Е. Г. Милютина, О. А. Кислякова // Романтизм: грани и судьбы. - Тверь: изд-во Твер. гос. ун-та, 1999. - Вып. 2. - С. 110.
10. Михайлова Е. Н. Проза Лермонтова / Е. Н. Михайлова. — М.: Художественная литература, 1957. — 382 с.
11. Мусий В. Б. Мифологическая основа произведений, включающих элементы «готического» / В. Б. Мусий // Мусий В. Б. Миф в художественном освоении мировосприятия человека литературой эпохи предромантизма и романтизма. - Одесса: Астропринт, 2006. - С. 185-230.
12. Слюсарь А. А. О поэтике романтического произведения / А. А. Слюсарь // Романтизм: вопросы эстетики и художественной практики: сб. научн. трудов. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. - С. 132-142.